ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ СЛѢПЦОВЪ

въ воспоминаніяхъ его матери,

1836 р. 17-го іюля / † 23-го марта 1878.

I.

Такъ какъ біографія покойнаго нашего писателя и беллетриста Василія Алексѣевича Слѣпцова еще не была написана, да можетъ была бы еще и преждевременна, то я, какъ престарѣлая мать его, желаю при жизни моей написать все то, что сохранилось въ памяти о покойномъ моемъ сынѣ.

Прошу читателей уважаемой «Русской Старины» извинить меня за мой безъискусственный и нѣсколько безпорядочный разсказъ.

Да позволено мнѣ будетъ начать повѣствованіе съ ранняго дѣтства моего сына, а равно и упомянуть о его происхожденіи.

Василій Алъксѣевичъ Слѣпцовъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду Слѣпцовыхъ. Отецъ его, Алексѣй Васильевичъ Слѣпцовъ, былъ помѣщикъ и владѣлъ 1,500 десят. земли и 250 душъ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда; близкіе его родные Чихачевы, Бутурлины, Прокоповичи-Антонскіе, Костневскіе, Рембелинскіе и прочіе. Мужъ мой, Алексѣй Васильевичъ Слѣпцовъ, служилъ въ Харьковскомъ уланскомъ полку, дѣлалъ турецкую и польскую кампаніи; въ бытность свою въ Гродненской губерніи онъ познакомился и женился на дочери тоже изъ древней польской фамиліи, Жозефинѣ Адамовнѣ Вельбутовичъ-Паплонской, коей же мать была урожденная баронесса Игесльстромъ, изъ древнихъ лифляндскихъ бароновъ.

Впослѣдствіи Алексѣй Васильевичъ перешолъ въ Новороссійскій драгунскій полкъ въ Воронежѣ, гдѣ и родился первенецъ ихъ, Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ, въ 1836 году, 17-го іюля. Спустя годъ

по его рожденіи, отецъ его вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ родителямъ съ своимъ семействомъ, въ Москву, гдѣ сей послѣдній, по протекціи дяди Николая Александровича Бутурлина, былъ зачисленъ въ Московскую комиссаріатскую комиссію.

Василій Алексѣевичъ былъ всегда любимцемъ всей семьи, особенно своей матери, для которой до самой смерти оставался кумиромъ, — Василій Алексѣевичъ съ ранняго дѣтства выказывалъ большія умственныя способности; нрава всегда былъ кроткаго и тихаго, сердца мягкаго, такъ что не могъ выносить когда его сверстники мучили животныхъ или мухъ; всегда съ дѣтства былъ красивъ, постоянно занятъ былъ разнаго рода издѣліями и впослѣдствіи, бывъ уже писателемъ, изучалъ столярное и слесарное ремесла; самъ выучился пяти лѣтъ читать и былъ набоженъ въ дѣтствѣ и семи лѣтъ собирался въ монастырь, надъ чѣмъ впослѣдствіи смѣялся. Когда ему было 8 лѣтъ, мы въ Москвѣ взяли гимназиста изъ 5-го класса готовить его въ гимназію; но гимназистъ былъ большой педантъ и не умѣлъ пріохотить мальчика къ наукамъ, особенно къ латыни, такъ что Вася плакалъ, заучивая латинскую грамматику. Мы перемѣнили учителя и взяли студента Анурина, который такъ хорошо преподавалъ, что Василію Алексѣевичу латынь стала любимымъ занятіемъ; французскимъ языкомъ занималась съ нимъ я — его мать, а нѣмецкимъ — бабка его по матери. Десяти лѣтъ Василій Алексѣевичъ поступилъ во 2-й классъ 1-й московской гимназіи, что на Пречистенкѣ.

Спустя $1^1/_2$ года родители мужа моего его выдѣлили; намъ досталось имѣніе въ Варшавской губерніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, — деревня Александровка, Дубовка тожъ, куда мы переѣхали и взяли съ собою и сына нашего Василія Алексѣевича. Въ деревнѣ мы узнали, что ближайшій отъ насъ городъ Пенза въ 90 верстахъ, гдѣ есть дворянскій институтъ—въ то время единственное тамъ учебное заведеніе; туда мы и помѣстили Василія Алексѣевича, котораго, какъ и всегда, любимое было занятіе книги; онъ пробовалъ писать стихи и мнѣ ихъ посвящалъ, но кто-то ихъ взялъ у меня и они затерялись. Впрочемъ, Василій Алексѣевичъ впослѣдствіи не любилъ вспоминать о своей поэзіи. Я запомнила нѣсколько строкъ стиховъ, посвященныхъ мнѣ:

«Не за себя молитва льется
Предъ престоломъ Всевышняго Творца,
Не за себя молю—за мать мою родную».....

больше не припомню.

Послѣ окончанія курса въ дворянскомъ институтѣ мы отвезли Василія Алексѣевича въ Москву. Въ это время была венгерская

кампанія и родные посовѣтали помѣстить сына нашего въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи. Василій Алексѣевичъ было согласился и даже купилъ программу и сталъ готовиться въ полкъ, но попалъ въ общество студентовъ, перемѣнилъ свое намѣреніе и сталъ готовиться въ московскій университетъ, гдѣ и выдержалъ экзаменъ на медицинскій факультетъ.

Студенты въ то время носили красивыя шпаги и учились маршировать; какъ теперь помню команды имъ: «глаза на пра-а-во!» и т. д.

Бывши студентомъ, Вася познакомился съ профессорами Китарой и Далемъ, которые его полюбили и приглашали у нихъ бывать...

Впослѣдствіи, въ 1850-хъ годахъ, предложили Василію Алексѣевичу отъ «Этнографическаго отдѣленія И. Г. Об.» пойдти путешествовать съ котомкой—въ то время на это была мода. П. И. Якушкинъ и другіе такъ путешествовали—во Владиміръ на Клязмѣ для описанія тамошнихъ фабрикъ и строившейся въ то время французами желѣзной дороги. Слѣпцовъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе профессоровъ и отправился. Изъ своихъ путешествій онъ написалъ весьма любопытныя наблюденія о фабрикахъ и особенно о бытѣ французскихъ рабочихъ, на жел. дорогѣ, которая тогда проводилась и этихъ рабочихъ превосходно содержали и нашихъ несчастныхъ русскихъ, жившихъ въ холодныхъ баракахъ при убійственномъ содержаніи. Свои путешествія Вася изложилъ въ особой тетради, но это сочиненіе гдѣ-то затерялось.

Послѣ Слѣпцовъ писалъ фельетонъ у графини Е. В. Салліасъ (Евгенія Туръ), въ газетѣ «Русская Рѣчь», потомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Атенеѣ». Тутъ Слѣпцовъ женился въ Москвѣ на дѣвицѣ Языковой, имѣлъ отъ нея сына, который умеръ, и дочь Валентину, которая послѣ его смерти вышла замужъ за І. А. Гурко.

Слѣпцовъ не сошелся характеромъ съ женою и разстался съ нею. Въ то время онъ получилъ наслѣдство послѣ отца, но такъ какъ никогда не любилъ деревенскаго хозяйства, то и продалъ имѣніе своему брату, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ Н. Г. Чернышевскимъ и другими литераторами: Г. З. Елисѣевымъ, В. И. Водовозовымъ и Н. А. Некрасовымъ, который пригласилъ моего сына писать въ «Современникѣ», а потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (когда Некрасовъ пріобрѣлъ это изданіе) и просилъ Слѣпцова нигдѣ не помѣщать своихъ сочиненій, какъ только въ его журналѣ. Слѣпцовъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Осташковъ и написалъ весьма любопытныя письма объ Осташковѣ и издалъ ихъ, послѣ напечатанія въ «Современникѣ», особымъ выпускомъ.

Петербургская жизнь Слѣпцова стала совсѣмъ другой, чѣмъ была до переѣзда туда. У него явился обширный кругъ знакомыхъ. Онъ первый, если не ошибаюсь, поднялъ женскій вопросъ. Постоянно не богатыя женщины въ черныхъ бурнусахъ и черныхъ башлыкахъ ходили къ нему за совѣтами, какъ устроить мастерскія и женскія переплетныя, являлись студенты и завѣдывающіе безплатными школами, прося устроить литературные вечера съ его участіемъ; нѣкоторые изъ этихъ

вечеровъ, дѣйствительно, имѣли большой успѣхъ, такъ какъ Слѣпцовъ превосходно читалъ; при его чтеніи зала всегда была полна и вечера давали много сбора. Онъ являлся съ своей всегдашней милой улыбкой, зала гремѣла аплодисментами и онъ, раскланявшись, садился за столъ, на которомъ заранѣе ставили графинъ съ водою и стаканъ, такъ какъ безъ глотка воды чтеніе утомляло его горло.

Всякій нуждающійся хорошо зналъ Василія Алексѣевича, хотя онъ самъ не располагалъ большими средствами, жилъ одной литературой, а здоровье его подтачивали разныя неудачи въ жизни; разстаться съ Петербургомъ онъ не могъ,—его тянуло то общество и тѣ интересы, съ которыми онъ сроднился и которыми жилъ.

Характеръ у него былъ тихій, я никогда не видала его сердитымъ; онъ умѣлъ себя воздерживать и выработалъ самъ свой характеръ, всегда отрывалъ себя отъ всякой привычки, даже долго нигдѣ не жилъ, и замѣтя, что привыкаетъ къ мѣсту, онъ вдругъ себя отрывалъ. Даже пріѣзжая къ намъ въ деревню, Вася вдругъ станетъ бывало собираться, говоря: «пора, засидѣлся!» Онъ ѣздилъ въ Одессу и собирался въ Америку.

II.

Василій Алексѣевичъ въ концѣ 1860-хъ и въ началѣ 1870-хъ гг. написалъ сцены и очерки изъ народнаго быта, повѣсть «Трудное время», «Письма изъ Осташкова», «Метафизикъ о насущномъ хлѣбѣ», «Кто виноватъ», «Опыты судебной защиты», одну главу изъ романа «Хорошій человѣкъ» и одну недоконченную имъ драму. А. М. Скабическій въ «Современникѣ» прекрасно отозвался о его сочиненіяхъ, указывая, что герой повѣсти «Трудное Время», Рязанцевъ — это типъ послѣдователей Онѣгина, Печерина и другихъ, тѣ имѣли еще надежду на лучшее, а Рязанцевъ уже совсѣмъ на улучшеніе потерялъ всю надежду.

Давно затаенная болѣзнь помѣшала Василію Алексѣевичу писать больше, но все онъ боролся съ жизнію. Въ Петербургѣ двѣ зимы онъ занимался устройствомъ любительскихъ спектаклей въ художественномъ клубѣ (онъ любилъ сцену); онъ такъ ретиво хлопоталъ, самъ всѣмъ театромъ завѣдуя, что сталъ рѣдко писать къ матери, говоря: «я такъ занятъ, что некогда ни ѣсть, ни пить, ни спать; хотя я утомленъ, но все-же это своего рода жизнь!»

Но нервы все надрывались; незамѣтно силы упадали, и онъ уѣхалъ на Кавказъ. Новая жизнь, природа скоро его оживили; онъ, спустя три недѣли по прибытіи на Кавказъ, ѣздилъ уже верхомъ, лазилъ по горамъ и совсѣмъ ожилъ, но привычка неусидчивости погнала его съ Кавказа къ намъ въ деревню, гдѣ онъ пробылъ до февраля и опять собрался въ Москву: ему хотѣлось увидать мѣста своего дѣтства; а надо было лучше лѣто пробыть въ деревнѣ или на Кавказѣ, но судьба устроила по своему: въ концѣ лѣта Слѣпцовъ почувствовалъ себя нехорошо и говорилъ, что онъ ждетъ болѣзни. Тутъ ему предложили мѣсто библіотекаря въ Кіевѣ, куда онъ и уѣхалъ; но на его бѣду библіотеку закрыли

и онъ, больной, обратился къ знакомому доктору Бокову; тотъ посовѣтовалъ ѣхать къ Н. И. Пирогову и что тотъ укажетъ, то и дѣлать. Пироговъ нашолъ, что силы у моего Васи плохи, надо-де ѣхать на Кавказъ, что Василій Алексѣевичъ и исполнилъ, но оттуда писалъ мнѣ такъ: «тѣ же цѣлительныя воды, тотъ же докторъ Смирновъ, но мое больное тѣло не ощущаетъ ихъ цѣлительнаго свойства» и къ осени ему вздумалось пріѣхать по желѣзной дорогѣ въ село Беково, Сердобскаго уѣзда, и далъ мнѣ телеграмму о своемъ пріѣздѣ. Я, приглася хорошаго земскаго доктора Недзвѣцкаго, отправилась къ моему сыну въ Беково и нашла Васю ужасно измѣнившимся. Лѣченіе было довольно успѣшно и какъ будто силы понемногу возстановились, но Василію Алексѣевичу не сидѣлось; онъ сталъ подумывать куда-то ѣхать и собрался въ Саратовъ; устроился, кажется, хорошо, но тамошній докторъ не понялъ его болѣзни, хотя надѣялся въ двѣ недѣли поставить его на ноги, а вышло, что Василій Алексѣевичъ окончательно ослабъ и слегъ въ постель. Тогда онъ уже рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, — что скажутъ тамошнія свѣтилы въ медицинѣ.

Всѣ лучшіе хирурги, лучшіе доктора ничего утѣшительнаго не сказали, всѣ консиліумы ничего не рѣшили, совѣтовали лишь ему пить кумысъ. Итакъ, Василій Алексѣевичъ съ разными предписаніями медиковъ пріѣхалъ на кумысъ опять въ Беково, но все же слабѣлъ, хотя еще гулялъ.

Беково ему не понравилось и, по совѣту доктора Недзвѣцкаго, онъ уѣхалъ въ село Куракино, Надеждино тожъ, гдѣ хорошій паркъ, хорошее помѣщеніе въ домѣ управляющаго и, главное, близость г. Сердобска, доктора и аптеки, газетъ и библіотеки—составляли для него большое удобство. Такъ и рѣшили мы водвориться въ Куракинѣ, — кажется, всѣ удобства были, — но черезъ шесть недѣль Василій Алексѣевичъ не поправлялся, силы были плохи, еще попробовалъ въ іюнѣ ѣхать на Кавказъ, но и тамъ здоровье его не поправлялось, и докторъ Смирновъ сталъ его отправлять домой и на мой вопросъ «не отвезти-ли Васю въ южную Францію?» отвѣтилъ, что болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи и что вылечить его радикально нельзя. Итакъ Василій Алексѣевичъ въ сентябрѣ еще попробовалъ съ Кавказа перебраться въ Таганрогъ, а въ сентябрѣ 1877 г. пріѣхалъ опять въ Куракино; силы его все становились хуже, ужасная худоба, плохой сонъ и язва его не улучшалась, никакая сила не могла ему возвратить здоровье. У него образовался нарывъ на легкихъ. Докторъ Недзвѣцкій его навѣщалъ очень часто, и его можно было лечить только палліативно; открылась изнурительная лихорадка, всякій день ознобъ

и испарина, по 6-ти рубашекъ надо было перемѣнять. Василій Алексѣевичъ не всегда сознавалъ свое безвыходное положеніе, иногда говорилъ о смерти, а то собирался весною въ Липецкъ на воды, наконецъ, рѣшилъ въ мартѣ 1878 г. ѣхать изъ Куракина въ Сердобскъ, говоря, что «въ Куракинѣ много воды, а онъ избѣгаетъ сырости, боясь лихорадки». Нечего было дѣлать, надо было, хотя съ трудомъ, его везти. Перемѣна мѣста ему понравилась, онъ ожилъ на время, — всё подъ руками: и докторъ, и аптека, и новая квартира; но все это лишь на время его ободрило; политика его занимала, самъ читалъ газеты или просилъ ему ихъ читать, часто говорилъ про Н. А. Добролюбова, но говорить Васѣ было уже трудно.

22-го марта 1878 г. онъ просилъ меня его перевести съ дивана на постель и, подойдя къ ней, сказалъ мнѣ:

— «Какъ вы хорошо меня привели, я готовъ васъ благодарить на колѣняхъ».—И это послѣдній разъ онъ перешелъ на свою кроватъ.

Ночью я услыхала его кашель; пришла къ нему; свѣча еще горѣла, онъ просилъ дать ему порошокъ, потомъ чтобы его не много прикрыть и сказалъ: «теперь все». Я ушла.

Въ 4 часа утра опять вошла и спросила: «ты что-то звалъ?» — Онъ отвѣтилъ: «Да, я оралъ».

Понемногу стало свѣтать, и мнѣ показалось его лицо мертвецки блѣднымъ, я выбѣжала изъ комнаты и сказала моей дочери, что дѣло плохо. Мы обѣ опять пришли, и у него открылась рвота—желтою жидкостью, голову его мы по очереди держали, давали ему воды съ коньякомъ. Онъ часто не сознавалъ что̀ съ нимъ происходитъ, попросилъ его поправить; рвота утихла, онъ лежалъ спокойно, потребовалъ доктора и когда тотъ пришелъ, то посовѣтовалъ что-то дать больному. При выходѣ докторъ намъ сказалъ, что пульсъ остановился и параличъ легкихъ, нарывъ разрѣшился и что Васѣ остается лишь нѣсколько часовъ жизни.

Для насъ минута была ужасна,—все было кончено!

Мы сидѣли неподалеку отъ умирающаго; онъ, увидя это, спросилъ:

— «Что вы думаете, я умираю?»

Я отвѣтила, что «нѣтъ».

Докторъ опять пришелъ и нашелъ, что цвѣтъ лица сталъ темнымъ. Василій Алексѣевичъ чуть внятнымъ голосомъ позвалъ меня и сестру свою, но мы боялись подойти къ нему, ожидая раздирающей сцены его прощанія, ибо онъ все намъ говорилъ:

— «Когда я буду умирать—всѣ уйдите, а то станете плакать и прибавите мнѣ нѣсколько часовъ страданія».

Когда настала агонія, мы сѣли къ нему. И такъ тихо его душа улетѣла, какъ будто ангелы ее на рукахъ отъ насъ унесли.

Свершилось все и безцѣннаго сына моего не стало!

Другой мой сынъ съ женою пріхали на похороны. Отнесли мы дорогой нашъ гробъ на наше городское кладбище и похоронили около церкви; огородили черной рѣшеткой; обсадили деревьями и цвѣтами, куда стопа матери проторила дорожку. Кладбище наше не уступитъ столичному; трудами нашего ктитора И. И. Попова воздвигнута прекрасная ограда, прелестныя часовни, клумба ароматическихъ цвѣтовъ, такая масса цвѣтовъ, душистыхъ, прелестныхъ, дорожки утрамбованы, скамейки, балясины и уютная церковь,—такъ все манитъ къ кладбищу и какъ будто и покойникамъ веселѣе тамъ лежать....

Предполагается Василію Алексѣевичу Слѣпцову поставить памятникъ, вполнѣ достойный его таланта, какъ русскаго писателя.

Добавлю, что единственная дочь Василія Алексѣевича Слѣпцова, а моя внучка,—въ замужествѣ за Іосифомъ Александровичемъ Гурко.

Жозефина Слѣпцова.

Городъ Сердобскъ.
1889 г.

Къ очерку „Графъ Г. Тотлебенъ".

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г. весьма интересную монографію Г. К. Рѣпинскаго: «Графъ Г. К. Тотлебенъ», считаю не безполезнымъ сообщить, что «Шульценкругъ» (въ переводѣ: постоялый дворъ Шульца) находился на самой границѣ между Лифляндіею и Курляндіею на большой дорогѣ (теперь упраздненной) изъ Риги въ Митаву, не далеко отъ почтовой станціи «Олай». Такъ какъ въ то время Курляндія еще не принадлежала Россіи, то понятно, почему, выпроводя Тотлебена изъ Россіи, отпустили его въ «Шульценкругъ».—На картѣ Рижскаго уѣзда въ большомъ атласѣ Лифляндіи графа Меллина изд. 1798 г. этотъ пунктъ назначенъ противъ «Zollkrug» на Курляндской территоріи.

Эмануилъ Мёллеръ.

Архангельскъ.
11 ноября 1889.
